

ТАКИЕ РАЗНЫЕ И ТАКИЕ ОДИНАКОВЫЕ...

1. Раб семьи

Геннадайос – древнее, а по нынешним временам редкое имя. Носитель его мой приятель-киприот из приморского Лимассола привык отзывать на имя Гена. И в детстве мальчишки его так прозывали... Прозывали, но вряд ли знали значение этого имени. А в нём много чего кроется: и благородство происхождения, и ненадёжность в дружбе, и любовь к женщинам, но жён выбирают носители этого имени некрасивых и всю жизнь покорно им служат... Да, и сам Гена вряд ли подполагал, чем Бог его наградил, ведь имя как судьба – на всю жизнь. Можно пытаться судьбу изменить, можно, но не многим удаётся это сделать. Мне лично этот имя совсем не нравится, с детства не нравилось. У меня был школьный дружок Гена, ненадёжным оказался – девушку у меня отбил в десятом классе. Нинку конопатую! Ей не мешали конопушки, наоборот, украшали её курносую физиономию. В старшем классе училась, и нравилась мне до умопомрачения... На танцах в клубе я только со стороны за ней наблюдал, боялся ближе, чем на десять метров подойти. Боялся, потому что обожал Нинку. А этот охламон Гена никого и ничего не боялся и лихо отплясывал с нашими сельскими девчонками краковяк, польку и другие весёлые танцы. Мне оставалось только завидовать и дразнить Генку: «Гена, хвост до колена!» Ему хоть бы хны. Наш Гена был высоким и красивым парнем, а этот киприот – чудо в перьях, как говорится! Хотя как сравнивать, если Геннадайосу уже за семьдесят! Я ведь не знаю, каким он был в молодые годы? Не красавец – точно, не мог быть красавцем. Росточку небольшого, нос картошкой, проплешина аж до самого затылка, ножки коротенькие, так и семенит ими, но семенит быстро. Силу ему Бог дал немерянную, маленький да удаленький, о таких говорят... Хотя какой он удаленький?! Что жена скажет, то Геннадайос и исполняет. Безропотно. Агатой её звать, что с греческого – хорошая. У киприотов имена не просто так даются, а со значением... Не знаю хорошая ли была в молодости, в старости разве определишь? Но имя ей досталось явно не по заслугам, скорее всего, надо было подобрать ей имя со значением «Повелительница»! Повелевает Геннадайосом как своим рабом. И дочь им повелевает. Зовут девушку Калипсо, она давно на выданье, но замуж никак не берут местные ребята... А Калипсо – самая красивая, как рассчитывали мать с отцом, но никак не назовёшь её таковой, лицо – уныло-серьёзное, непривлекательное... Но разве в красоте счастье? У женщин есть что-то такое, что притягивает к ним мужчин как магнитом. Улыбка, взгляд, манера разговора, умение чуть-чуть

флиртовать. Но если этих качеств у женщины нет, то будь она, что ни есть красавицей и умницей, мужчины рядом с ней не выются. А Калипсо, между прочим, не глупа. Журналистка, кто-то не поверит, но в двадцать три года стала главным редактором в солидном лондонском журнале. Пять лет помыкалась в Лондоне одна-одиошенька и, затосковав по солнечному Кипру, по семье, вернулась на родину. И переключила всё женское служение на уже достаточно старого отца Геннадайоса! Любовь свою на нём сконцентрировала, благородную, но эгоистичную. Такая опека хуже рабства. И оказался мой кипрский Геннадайос под пятой жены Агаты да ещё под пятой дочери Калипсо... Придавленный любовью и вниманием двух родных женщин! Раб семьи поневоле! Это я так видел со стороны, а что думал сам Геннадайос мне совсем не известно и никому это не известно. Потому что он всегда находится в хорошем расположении духа. В шесть утра встаёт и отправляется работать. В своём саду, где оливы растут, вкалывает, а ещё и садовником в чужих садах трудится. Имея золотые руки, не чурается любого дела, ложится спать ближе к полуночи. А днём, хоть разбейся, но, получив из рук Агаты список продуктов, поезжай в магазин закупать всё необходимое к обеду. Агата вкусно готовит, и вся семья обедает у родителей, старшая дочь с внучкой да с зятем, Калипсо, если есть возможность, тоже к ним присоединяется. В общем, дружная семья, я бы сказал... Агата царствует, Калипсо блаженствует и обе повелевают покорным Геннадайосом! Старшая дочь Мария – в своей семье, обычно помалкивает... Вдруг мать с сестрой примутся и её мужа воспитывать?

Но с недавнего времени я стал замечать, что Геннадайос как-то изменился внешне. Стал веселее. Лицо, покрытое вдоль и поперёк многочисленными морщинами разгладилось, кустистые брови оказались подстриженными. «Не иначе Геннадайос стал к косметологу ходить на старости?», – подумал я. При встрече с ним спросил в шутку:

– Гена, ты часом не влюбился?

– Почему так думаешь? – смутился Геннадайос.

– Сияешь как начищенный чайник в воскресенье...

– И ты всегда сияешь, Алексис, – парировал Генадайос. – С тебя пример беру.

– Но я всегда сиял и буду сиять, а ты недавно взбодрился. А? Значит, есть причина? Может, разбогател? В лото миллион евро выиграл?

– Больше... – ответил неопределённо мой кипрский приятель и спешно предался своим делам, явно не желая продолжать разговор.

Эх, знать бы, что на самом деле происходило с Геннадайосом! Может быть, я чем-то помог бы незадачливому старику? Ведь он влюбился в хозяйку одного из коттеджей, где был садовником. Англичанка Мэнди –

высокая и жизнерадостная леди с аристократическими манерами полностью доверила свой сад Геннадайосу. И не только сад, чувствую, и сердце ему открыла для дружбы. Но разве Мэнди могла угадать, что этот старикашка готов о чём-то более значимом помышлять? Он почти в два раза с хвостиком старше Мэнди. Хотя умный, очень умный... Мэнди любила вести с садовником не какие-нибудь, а сложные философические разговоры и всегда поражалась его умению точно и логично строить фразы. Постепенно привыкла к присутствию Геннадайоса в её жизни. Незаменимый работник, хороший собеседник, тактичный и всё понимающий. Мэнди после развода со своим лондонским мужем продала дом в Англии и обустроилась на Кипре, не помышляя пока ни о мужчинах, ни о новом браке. Хотя на неё, русоволосую даму с эффектной причёской, изумительно стройной фигурой сразу стали обращать внимание кипрские мужчины... Высокие и невысокие, красивые и некрасивые, они не давали Мэнди прохода, но она научилась умело и тактично отшивать их. Ей не был нужен никто! Новая кипрская подруга Аманда, родом тоже с Альбиона, предупреждала Мэнди:

– Дорогая моя, учтите, что некоторые кипрские мужчины очень любвеобильные и приставучие. Не давайте повода, иначе трудно будет отвязаться от нежелательного поклонника.

– Я пока от развода с мужем не отошла. Да и на острове мужчин-то настоящих нет. В основном коротконогие, невысокого роста, и пузатые. Одеты небрежно. Часто небритые. Неинтересные.

– Мэнди, большинство мужчин-киприотов о себе другого мнения. Бывает, что мужчина ростом чуть выше собаки, но мнит себя Аполлоном.

Женщины очень наблюдательны и иногда подмечают в мужчинах такое, что и на ум не придёт, хотя это не мешает им оставаться мечтательными.

– Спасибо, Аманда. Вы даёте мне очень умные советы. Только удивляюсь, откуда эти предания об аполлонах и афродитах? Вокруг обычные люди, а женщин красивых так и вообще почти не встретишь. Куда подевался гордый профиль богинь, воспетый греческими трагиками? Умные – да, красивые – нет.

Подруги посмеялись, а Мэнди и вовсе забыла предостережение Аманды. А зря забыла, потому что опасность была рядом в виде неприметного и вечно копошащегося в саду Геннадайоса. Она даже жалела его и оказывала ему достойное его возрасту внимание. Угостить садовника кофе? Почему – нет?! Но и садовник в долгу не оставался. Однажды он предложил ей:

– Мэм, не хотите ли попробовать настоящего кипрского кофе? Я угощаю только вас.

– Вы приглашаете меня в кафе? – удивилась Мэнди и добавила, – Нет-нет, Геннадайос не будем отвлекаться от работы.

– У меня всё с собой. У нас, киприотов, принято иметь с собой в дороге всё для кофе: спиртовка, походная турка, молотый кофе и даже посуда у меня с собой.

Через пять минут Мэнди держала в руке чашечку дымящегося кофе, наслаждалась его запахом и вкусом. Она с уважением смотрела на расторопного Геннадайоса и не могла вообразить, чтоб её бывший муж англичанин Билл приготовил или хотя бы подал ей заварной, настоящий кофе.

В другой раз Геннадайос приехал на закате дня, чтобы проверить работу помпы в плавательном бассейне. Закончив дела, он включил иллюминацию и поставил на столик возле бассейна бутылку белого вина:

– Это самое лучшее белое вино на Кипре, Мэнди. Мой подарок вам. Как-нибудь попробуете... Я думаю, что вам понравится...

Любопытство взяло верх. И Мэнди предложила тут же открыть бутылку. Солнце спряталось за горы Троодос, но вершины их были покрыты золотистым светом. Где-то рядом в кустах всхлипывала птица. Стрекотали сверчки. Прекрасный южный вечер, как это бывает на Кипре. Я и сам не раз испытывал на себе магию таких вечеров, когда в воздухе чувствуется вселенское умиротворение, не хочется ни о чём говорить... И Геннадайос не надоедал романтической англичанке разговорами, сидел смирно, исподтишка бросая взгляды на прекрасную даму... Так, в молчании выпили бутылку вина, которое, действительно, оказалось выше всяких похвал. Потом Мэнди с умилением вспоминала этот вечер, жалея по- своему садовника, почти прожившего отпущенный срок. Думала, как быстро всё меняется в этой жизни, как быстро всё проходит. Ещё недавно наслаждалась обществом весёлого Билла и его друзей в Лондоне с их бесконечными хихоньками да хаханьками. И вот она любит сентябрьским ландшафтом Кипра с темнеющими вдалеке горами, а рядом с ней вместо балагура Билла сидит тихий старичок со сморщенным лицом и её это нисколько не смущает. Ещё год назад такая сцена казалась бы ей анекдотичной.

Ночью Мэнди лежала в темноте, слушала когда-то очень популярную песню Бари Манилоу “Мэнди”:

Yesterday's a dream
I face the morning
Crying on a breeze
The pain is calling
Oh Mandy*

¹ В грёзах о вчерашнем
Утром плачу на ветру,
И боль моя зовёт – О, Мэнди!

Она вспоминала лондонскую жизнь, пока не уснула под слова из песни:

And I need you today oh, Mandy...

«Ты нужна мне сегодня, о, Мэнди!» Любая женщина всегда ждёт мужских слов: «Ты нужна мне, дорогая...»

Былое не возвращается – текущее становится былым, может быть, похожим на него.

Как-то незаметно Геннадайос стал покровительствовать Мэнди. Он приезжал в сад чаще, чем необходимо для дела и всегда оказывался рядом, когда Мэнди нуждалась в помощи. И вот он стал ей посылать по телефону короткие записки. Вначале безобидные, типа «Доброе утро, мэм! Хорошего дня вам». Потом слова стали другими: «Моя прекрасная леди проснулась? Я сегодня буду чистить бассейн». Мэнди привыкла к его посланиям и особенно не вникала в их смысл даже тогда, когда они стали более интригующими, например, «Поющая птичка, хорошего дня вам!» Дальше – больше: «Привет, маленькая птичка! У вас есть в доме лёд?», «Привет, прекрасная птичка! Завтрак?», «Спокойной ночи, Мэнди, и сладких снов»... Мэнди никогда не отвечала на такие записки садовника, думала, что чудит на старости лет безвредный дед, но опасность к ней уже подбиралась с другой стороны. Агата заметила, что Геннадайос слишком много времени уделяет саду англичанки и заподозрила неладное. Она поделилась своими подозрениями с дочерью. Калипсо принялась за дело профессионально: провела расследование. Прежде всего, улучив момент, проверила смс на телефоне отца и нашла тексты, которые её чуть не убили. Как такое может быть? Её отец пишет лирические послания англичанке, фактически ровеснице Калипсо?! Роман? Всё возможно. Что делать? Немедленно вмешаться и прекратить это безобразие! Защитить мать! Почему её отец пишет такие нежные слова чужой женщине, а не своей жене? Почему ей, Калипсо, никто и никогда не писал такие смс? Немедленно пойти к Мэнди и потребовать... А что требовать? Но вначале такой разговор состоялся с отцом:

– Папа, что за отношения у тебя с Мэнди? Почему ты обращаешься к ней, как к своей любовнице?

– Что? Почему...

Но Калипсо не дала ему закончить фразу:

– Я читала смс на твоём телефоне.

– Не будь глупой, Калипсо.

Геннадайос встал из-за стола, ушёл из дому и не возвращался допоздна, пока все не легли спать.

Однажды, когда Геннадайос отправился в магазин с очередным списком продуктов, Калипсо отправилась к дому Мэнди и обнаружила его машину, как ей показалось, спрятанную в парке. Ей было невдомёк, что отец всегда ставит машину в тени деревьев, чтоб не нагревалась на солнце.

А Геннадайос, получив у Мэнди зарплату за месяц, обнаружил, что в бассейн за ночь надуло листьев. Как он мог оставить обожаемую им леди с непотребным бассейном!? И он принялся сачком и донным пылесосом чистить его, и провёл за этим занятием около часа. Калипсо всё стало абсолютно ясно! У её отца роман с Мэнди! В тот же день она написала англичанке угрожающее письмо с требованием взяться за ум и не соблазнять отца, прекратить с ним отношения.

На следующий день Мэнди вызвала Геннадайоса в сад и вручила ему письмо с извещением, что он уволен! При этом, холодно прокомментировала увольнение:

– Садовник должен ухаживать за садом, а не постоянно мельтешить перед глазами хозяйки. И потом... Я не хочу получать письма с угрозами от сумасшедшей леди. Прощайте, господин Геннадайос!

Английское выражение «the crazy lady» было очень конкретным и обоим было понятно, о ком идёт речь.

-- Да, мэм... – прошептал старик, не отрывая взгляда от земли.

Я встретил бедного Геннадайоса в ужасном состоянии, он сидел на скамейке у моря, уставившись безучастным взглядом куда-то за горизонт.

– Гена, что-то случилось? Почему у тебя такой печальный вид?

– К сожалению, ничего не случилось... Жизнь почти прошла, но так ничего и не случилось.

Он добавил ещё пару слов, а затем тяжело поднялся со скамейки, махнул рукой, как будто, отмахнулся от чего-то назойливого, и пошёл по дорожке вдоль моря, шаркая по-стариковски подошвами старых истертых кроссовок.

Вскоре я услышал от нашего общего с Геннадайосом знакомого, что старик купил участок на кладбище, где похоронен его отец. Многие киприоты так поступают, ничего в этом нет необычного, покупают место, а потом живут ещё долго, не помышляя о смерти.

Кстати, после этой развязки Мария, сестра Калипсо, перестала приходить с мужем к родителям на традиционные обеды. Наверное, за мужа опасалась? Кто знает, что ещё взбредёт в голову её не-мужней сестричке?

Время от времени я встречаюсь с Геннадайосом и не замечаю в никаких изменений в нём. Он продолжает оставаться тем же тихим и безропотным главой семейства, каким был и раньше. Хотя я чаще стал его

видеть сидящим на скамейке у моря и смотрящим вдаль. О чём он думает в это время? Разве спросишь?

1. Рабыня страсти.

Власта.... Миловидная певица, талантливая, как музыкант, и умная – слушатели её на радио программы «Голос Москвы» подтверждают: всё умеет и всё, за что она возьмётся, ей удаётся без видимых усилий. Вот только стихи не пишет. Не раз пробовала ещё со школьных лет, но увы! С рифмами никак не подружилась! Но зато разбирается в поэзии, любит лирику, читает со сцены стихи, увлекшие её; Власта поёт романсы всех веков, жанров и народов... При этом, всю жизнь мечтала встретить равного Пушкину или Есенину поэта. Конечно, поэтов – хоть пруд пруди, а вот одного-единственного, который завоевал бы сердце Власты, она не высмотрела для себя. И вдруг это чудо случилось! Однажды во время концерта на сцену вышел импозантный мужчина и вручил ей маленький букет ромашек и тоненькую книжицу:

– Власта, мои стихи для вас. С любовью. Я – Ариэль!

Сколько таких поэтов-поклонников вертится вокруг неё на концертах с заранее припасенными опусами!? Сколько их, никому неизвестных, но мечтающих, что на их стихи обратит внимание артист и закажет у композитора песню? Этот же поэт с необычным именем Ариэль понравился Власте какой-то отрешенностью от мира сего. «На Маяковского похож», – подумалось ей. Вспомнился романс «Белый рояль» из её репертуара:

Я беседу веду с белоснежным роялем,
Понимает меня добрый друг мой рояль.
С грустью светлой былую любовь вспоминаю,
И с любовью поёт бесконечная даль.

Нет, что-то нет так... Не поёт в её душе бесконечная даль и душа не желает петь о былой любви. Почему эти простые слова ещё вчера её так трогали? Почему и радость, и печаль посещали её одновременно? Есть муж, дочь почти уже взрослая... Карьера певицы удалась, хотя не звезда первой величины, но имя певицы Власты что-то да значит на эстраде?! Ей показалось, что ничего, что было и что есть в её жизни, уже не имеет значения. Неважно это. А что важно? Вспомнились слова другого романса:

Отчего вы глаза опустили?
Почему ваши губы дрожат?
Неужели вы снова простили?
Неужели расцвёл зимний сад?

Долго не могла уснуть вечером, рядом, как обычно, похрапывал муж; вставила в уши беруши, но сон не шёл к ней. Включила ночник, разыскала в прихожей книжицу давешнего поэта. Банальное название «Только любовь...», да и имя – Ариэль Серебряный ... А мужчина видный, на фотографии стоит в чёрном свитере со скрещёнными на груди руками, на лице короткая седая щетина. Интриговали слова посвящения: «Обожаемой певице Власте только любовь и больше ничего». Невероятно! Автор посвятил ей книгу своих стихов, будучи с ней незнаком лично... Она стала читать стихи и... выпала из времени, выпала из быта с храпящим мужем, редкими концертами, публикой в залах, состоящей из людей не моложе её, в массе своей – одиноких женщин. Именно их привлекает фраза ромansa «С грустью светлой былую любовь вспоминаю...». Они ли недолюбили, их ли недолюбили? У Ариэля особая чувственность: нет этакой эквилибристики слов, есть тайна души, погружение в мир невозможного... Это как в музыке: твоё подсознание цепляется за какие-то смутные образы, и ты улетаешь в другой мир... И каждый видит в этом мире своё, чувствует своё и слышит своё... Обычные слова, рифмованные строки, но, дочитав стихотворение, не вспомнишь его содержание, возможно, нет содержания совсем, а что тогда есть? Есть... нет, словами это не рассказать, надо чувствовать и принимать то, что возрождается в душе, в голове или во... Вселенной! До утра она не сомкнула глаз. Читала, откладывала книгу, смотрела в потолок отрешённым взглядом, по-глупому улыбалась, тихо смеялась или молча плакала.

В тот же день, подняв на ноги всех знакомых и подруг, она добыла номер телефона Ариэля Серебряного. Оказалось, что никаких сложных усилий предпринимать не требовалось:

– Ариэль? Поэт? Да какой он поэт? Рифмоплёт! – удивилась подруга, Лера Яблонева, певица.

– Лера, я не прошу тебя давать оценки Ариэлю! Мне нужен его телефон.

– Да у меня с ним шапочное знакомство. На концерте подходил. Потом мне рассказали, что этот хлыщ крутится везде, где артисты выступают.

– Лера, не хочу слушать разную чепуху. Скажи прямо, есть у тебя телефон Ариэля?

– У меня его телефона нет. Посмотри на фейсбуке. Он там свои опусы публикует. Можешь с ним подружиться и «в личку» ему написать.

И с этого дня Вселенная для Власты взорвалась и образовался новый окоём – сердечный. Любовь – взаимная и разделённая, Любовь – наваждение, Любовь – откровение, притяжение и отторжение, рядом с Любовью её спутники – боль и радость! Восхищение и зависть! Да-да, зависть тоже тут как тут, замешанная на ревности. Как, впрочем, и сама до немоты болезненная ревность проникает в мир двоих разными, тайными тропами. Но для Власты другие люди, другие мнения перестали иметь значение. Хотя... она боролась. Боролась за себя, за Ариэля, за свою любовь, не обращая внимания на мужа, на косые взгляды и смешки за спиной.

А что же Ариэль? Тусовочный поэт принял любовь певицы как должное. Он похвалялся перед приятелем:

- И эта пала к ногам поэта и разделила его ложе...

На что получил ответ:

- Кажется, что ты, Арик, возомнил себя чуть ли не Пушкиным! Что позволено Юпитеру, не позволено Быку... Вот когда напишешь что-то хотя бы отдалённо подобное «Я помню чудное мгновение...», тогда... Впрочем, и тогда не советовал бы тебе хвастаться. Но, боюсь, не суждено тебе, мой друг, не суждено...

Власта жаловалась подруге на поклонниц Ариэля:

- Знаешь, Лера, как меня достало это бабьё?

Что они лезут и лезут? Прямо орда какая-то! Ненавижу этих экзальтированных и сексуально озабоченных тёток.

Яблонева с интересом глянула на подругу, будто бы сочувствуя ей. Сама-то чем отличается от остальных поклонниц? Тем, что привязала к себе бедного поэта, оплачивая все его счета? Даёт ему деньги? Дарит подарки? Но, будучи женщиной без комплексов, Лера принимала подругу такой, какой она была. Влюбилась и влюбилась... За что любовь наказывать или презирать? Да и почему Власта не заслуживает любви? Добрая, мягкая, надёжная в дружбе, если не вставать на пути между ней и Ариэлем. Сказала без всякой задней мысли:

- Бабы-дуры... Лезут, куда не надо. Они и меня в фейсбуке уже достали.

Близость к певице повлияла на популярность Ариэля. На концертах женщины протискивались к поэту с букетами цветов, покупали его книжки, просили автограф. Некоторые совали ему свои визитки. Оказалось, что поклонницы Ариэля и в фейсбуке орудуют! Власта не любила фейсбук и редко заглядывала в него, но в тот же день, вечером она увидела такое, что чуть не обомлела. Образовалась группа активисток, объединённых любовью к Ариэлю и ненавистью к ней, Власте. На своей странице она обнаружила оскорбительные высказывания: «Аморальная женщина, отступись от Ариэля!», «Девочки, давайте добиваться, чтоб Власту отстранили от

радиопередач!», «Сучка, я приеду из Дедовска в Москву и буду биться с тобой на камнях», – писала какая-то Марина, – психопатка, понятное дело. . Не лучше дела обстояли и на странице обожаемого ими Ариэля: «Лапочка, гони прочь от себя эту старуху! Она мне в матери годится», – этот омерзительный комментарий был под её фотографией с Ариэлем, сделанной в Праге!

О, Прага! Сколько счастья они с Ариэлем испытали, бродя по любимым местам Марины Цветаевой... А тут какая-то полуграмотная юная девица смеет называть Власту старухой? А если любовь подкрепляется сумасшедшей страстью с обеих сторон, то какое значение имеет карканье ворон?

Вскоре Власта развелась со своим неисправимым храпуном-мужем. Ариэль оставался таким же невозмутимым, всегда находясь рядом с певицей.

И Власта сдалась. Как-то вечером после концерта, она сказала Ариэлю, скрывая смущение за беззащитной улыбкой:

– Милый, возьми меня в жёны...

Скажете, что такое невозможно, чтобы женщина делала предложение мужчине? Где это написано? Не в святцах же?

Поэт подхватил на руки Власту и вынес из театра к машине на виду у своих многочисленных поклонниц. О, эти поэты! Каждый поэт хотя бы раз в жизни совершает какой-то сумасшедший поступок...

Любовь женщины способна творить чудеса: превращать слабого мужчину в сильного, недалёкого в умного, обычного в талантливого... Со временем Ариэль Серебряный стал известен и в серьёзных литературных кругах.

Свадебное путешествие пара совершила в Париж, бродили по улочкам, где когда-то гуляли Анна Ахматова и Амедео Модильяни. Ни один путеводитель не рассказывает об этом, но Ариэль, знаток поэзии Серебряного века, распознал эти места по стихам, и главное – кафе «Ротонда», где впервые повстречались русская поэтесса и итальянский художник.

Лукаво посматривая на Ариэля, Власта читала стихи Ахматовой:

Сказал, что у меня соперниц нет,
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.

Тот принял игру и продолжал:

Все мы бражники здесь, блудницы,

Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Часами они гуляли по парижским улицам, читали друг для друга стихи и целовались где попало. Кто имеет право судить двоих? Никто! Там, где любовь, мораль умолкает.

... Из Парижа Власта вернулась одна, Ариэль затерялся где-то на Монматре. Позднее его видели в Италии на родине Модильяни.

Такие разные и такие одинаковые две истории... Нет-нет, судьбы не могут быть одинаковыми. У каждого своя судьба. Я представляю сидящего на скамейке у моря старика и слышу его грустные слова: «Ничего не случилось и уже не случится. Жизнь пролетела, словно птица или ветер!!».

21.08.17, Вена